

На правах рукописи

М

ЧЕРНОВОЛ СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА

ЭВОЛЮЦИЯ КЕЙНСИАНСТВА КАК РАЗВИТИЕ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

Специальность 08.00.01 – Экономическая теория

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Москва – 2019

Работа выполнена на кафедре экономики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева» г. Кемерово

**Научный
Руководитель:** доктор экономических наук, доцент
Кусургашева Людмила Васильевна

**Официальные
оппоненты:** **Макашева Наталия Андреевна**
доктор экономических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, главный научный сотрудник

Розманский Иван Вадимович
кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент департамента экономики Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента

**Ведущая
организация:** Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита диссертации состоится 16 мая 2019 года в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.196.16 на базе ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» по адресу: 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, корп. 3, ауд. 353.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в Научно-информационном библиотечном центре имени академика Л.И. Абалкина ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» по адресу: 115054, г. Москва, ул. Зацепа д. 43 и на сайте организации <http://ords.rea.ru/>.

Автореферат разослан 9 апреля 2019 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
Д 212.196.16
кандидат экономических наук

Комарова Ирина Павловна

I ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Дж.М. Кейнс принадлежит к классикам мировой экономической мысли, чьи концепции не утратили своего значения и в наши дни. Основоположник макроэкономики, доказавший необходимость и предложивший направления активного вмешательства государства в экономику, тесно связал экономическую теорию с практикой хозяйствования, заложил теоретические основы современной смешанной экономики. Актуальность взглядов Дж.М. Кейнса со всей очевидностью была продемонстрирована мировым экономическим кризисом 2007–2009 годов, получившим в силу своих масштабов и глубины название Великой рецессии. Великая рецессия поставила под сомнение постулаты господствующей неоклассической парадигмы экономической науки, в том числе и в области методологии и истории экономических учений. В частности, была подвергнута сомнению кумулятивная модель роста экономического знания; в противоположность ей все большее признание получает тезис о нелинейности процесса развития экономической науки и отсутствии единственно «правильной» («последней» по времени) теории, являющейся результатом постепенного улучшения техники анализа.

Несмотря на то, что на протяжении второй половины XX – начала XXI века история экономических учений находилась на периферии экономической науки, в последние годы активизировались дискуссии о ее месте, дисциплинарном статусе и перспективах дальнейшего развития. Признание значимости историко-экономических исследований сопровождается появлением новых подходов. В частности, выдвигаются гипотезы о циклическом характере развития экономической науки, кризисе как форме развития экономической теории, связи между технико-экономическими сдвигами и переменами в экономическом знании и другие. Одновременно с этим отмечается рост разнообразия форм отражения экономической действительности, означающий не только сосуществование различных, иногда – противоположных по своим теоретико-методологическим основаниям теорий на данном историческом этапе, но и их изменчивую познавательную и практическую ценность. Общепризнанным является также методологический плюрализм как главный принцип современного историко-экономического анализа, допускающий использование различных подходов и их сочетание к исследованию истории экономических учений, ее отдельных этапов, школ, направлений и отдельных теорий.

Основными подходами современной истории экономических учений являются рациональная реконструкция, историческая реконструкция и конструктивистский подход, различающиеся в рамках более широкой классификации методов путем выделения релятивистского и абсолютистского канонов.

Теория Дж.М. Кейнса, а также труды его последователей регулярно подвергались исследованию с самых разных позиций. Несмотря на то, что все они заняли достойное место в учебниках по истории экономических учений,

существуют проблемы, связанные с интерпретацией как самой теории Кейнса, так и кейнсианства в целом. Основная из них заключается в том, что кейнсианство представляет собой неоднородное направление, в процессе эволюции которого возникли версии, отличающиеся по основным постулатам и методологическим принципам от того, что было заложено самим основоположником данного направления. Именно поэтому сегодня усилилась тенденция аутентичного прочтения трудов Дж.М. Кейнса, выявления логических и эмпирических противоречий, присущих ортодоксальному кейнсианству, восстановления утраченных последним принципов и положений кейнсианского анализа, отказа от использования неправомерно упрощенных ортодоксально-кейнсианских моделей и идей, слабо или совсем не связанных с идеями Дж.М. Кейнса.

Представляется, что с этой точки зрения наиболее адекватным методологическим подходом выступает концепция научно-исследовательских программ (далее – НИП) И. Лакатоса, позволяющая провести не только рациональную реконструкцию эволюции кейнсианства, выявив тем самым ее внутреннюю логику, но и включить в анализ влияние изменений хозяйственной практики на этот процесс.

Таким образом, тема диссертационной работы является актуальной по двум причинам. Первая заключается в актуализации историко-экономических исследований, стимулом которой явился экономический кризис 2007–2009 годов, поставивший среди прочих вопрос о научном потенциале теорий прошлого в конкретных изменившихся современных условиях. Вторая причина связана с отсутствием в отечественной истории экономической мысли исследований эволюции кейнсианства с точки зрения методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса.

Степень научной разработанности проблемы. Публикация самой известной работы Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) в силу заявленной в ней самим автором антиклассической направленности, явной связи с актуальными проблемами современной ей эпохи, а также новизны предложенного инструментария для экономической политики вызвала острую дискуссию среди западных экономистов, которая продолжалась вплоть до 80-х годов прошлого века. Среди экономистов, которые участвовали в дискуссии и так или иначе выразили свое отношение к исходным предпосылкам теоретических изысканий Дж.М. Кейнса, его аналитическому инструментарию и нормативным выводам, следует отметить С. Вайнтрауба, Д. Винера, Р. Клауэра, А. Коддингтона, А. Лейонхуфвуда, Ф. Найта, Дж. Робинсон, П. Уэллса, Ф. Тауссига, М. Фридмена, Р. Харрода, Ф. фон Хайека, Дж.Р. Хикса, Г. Шэкля и других.

Неоклассическое возрождение 70-х годов привело к относительному затишью в спорах между кейнсианцами и их теоретическими противниками, в экономической теории установился определенный консенсус. Историко-экономический анализ эволюции кейнсианства в этот период был представлен в основном работами представителей посткейнсианства: С. Вайнтрауба, Р. Клауэра, А. Лейонхуфвуда.

В связи с актуализацией кризисной проблематики в последнее время идеи Дж.М. Кейнса вновь оказались в центре дискуссии, в которой принимали участие как «чистые» теоретики, так и практики, такие, как Дж. Кокрейн, Дж. Сорос, П. Кругман, Р. Шиллер, О. Бланшар, Дж. Стиглиц и другие. В данном случае главным вопросом полемики стал вопрос о необходимости и конкретных направлениях изменения макроэкономической политики с целью вывода экономики в фазу устойчивого роста.

Несмотря на то, что многочисленные «споры о Кейнсе» неизменно включали в себя методологический и историко-экономический контекст, они не имели непосредственного отношения ни к методологии истории экономических учений, ни к самой истории экономических учений. «Методологический бум» последней трети XX – начала XXI столетия и превращение экономической методологии в самостоятельную субдисциплину привел к использованию специальных методов к изучению истории экономической мысли, разработанных в рамках истории и философии науки. Применительно к Дж.М. Кейнсу и отдельных версий кейнсианства с этой точки зрения следует выделить работы М. Блауга, С. Вайнтрауба, Р. Кросса, Р. Мэддока, Л. Пазинетти, Г. Фултона.

В отечественной литературе отчетливо выделяются два этапа в изучении творческого наследия Дж.М. Кейнса и кейнсианцев. Первый этап – исследования советского периода, второй – начиная с конца 80-х годов и по настоящее время (постсоветский период).

Публикации советского периода отвечали так или иначе понимаемому принципу единства исторического и логического, укладывались в канон релятивизма и идеологически подчинялись требованию критики буржуазных теорий. Несмотря на это, в работах Л.Б. Альтера, В.С. Афанасьева, Э.Я. Брегеля, И.Г. Блюмина, В.С. Володина рассматривались исторические условия формирования идей Дж.М. Кейнса и не только излагались, но и подвергались анализу основные положения его «Общей теории занятости, процента и денег» (далее – «Общей теории»). Из работ советского периода выделяются публикации И.М. Осадчей, содержащие наиболее объективный в тех условиях анализ взглядов как самого Дж.М. Кейнса, так и его последователей.

С конца 80-х годов и в начале рыночных преобразований идеи и практические рекомендации Дж.М. Кейнса стали рассматривать в качестве возможной альтернативы проводимой либерально-монетаристской политики перехода России к рыночной экономике. С таких позиций особенно активно выступали В. Андрианов, С.С. Дзарасов, И.Е. Рудакова, ученые Отделения экономики РАН, которые придерживались градуалистских кейнсианских рецептов построения смешанной, социально-ориентированной экономики.

В последние годы активизировались исследования кейнсианства, хотя по-прежнему преобладает рассмотрение нормативной части экономической теории Дж.М. Кейнса и его последователей. Характерным является также использование историко-описательного подхода в анализе эволюции кейнсианства. Вместе с тем появились работы, углубляющие и расширяющие представления как о теории самого Дж.М. Кейнса, так и об эволюции кейнсианства. Кроме того, были

осуществлены попытки использования кейнсианского анализа к реалиям российской экономики. Кроме авторов учебников и отдельных глав в них, посвященных кейнсианству, среди исследований последних двух десятилетий можно выделить работы В.С. Автономова, Н.Ю. Аганаевой, С.В. Афанасьева, В.З. Баликоева, А.В. Бархоты, С.С. Дзарасова, Р.С. Дзарасова, А.С. Красильникова, Л.В. Кусургашевой, Н.А. Макашевой, А.Е. Мешимбаевой, В.Е. Маневича, Р.М. Нуриева, Д.Н. Новоженова, Ю.Я. Ольсевича, И.В. Розмаинского, В.Т. Рязанова, А.С. Скоробогатова, А.В. Сорокина и некоторых других. Высокая актуальность кейнсианских идей в современных условиях нашла отражение в публикациях в связи с 80-летием выхода в свет «Общей теории» таких авторов, как С.Д. Бодрунов, С.Н. Ившковский, Е.А. Капогузов, В.Н. Ковнир, Р.М. Нуриев, И.Е. Рудакова, В.Т. Рязанов, Г.М. Самошилова, Г.А. Терская, Н.В. Фадейкина, А.В. Холопов, Н.В. Цхададзе, И.Н. Шапкин, Я.С. Ядгаров.

Методологические проблемы истории экономических учений, включая вопрос о национальных интерпретациях экономических теорий, рассматриваются в работах О.И. Ананьина, И.П. Гуровой, В.М. Ефимова, О.В. Карамовой, П.Н. Клюкина, О.Д. Кузнецовой, Ю.В. Латова, А.А. Мальцева, Ал.А. Мальцева, Д.Я. Майдачевского, Д.Е. Раскова, А.Г. Худокормова, И.Н. Шапкина, Я.С. Ядгарова.

Отдельно отметим тех авторов, которые исследуют глобальные изменения в экономике, ведущие к формированию новой экономической реальности (новой парадигмы социально-экономического развития) и которые, признавая ограниченность господствующего неоклассического направления, обосновывают необходимость изучения и использования в экономическом анализе потенциала разных научных школ или создания «новой экономической теории» путем синтеза теорий, чья аксиоматика не имеет принципиальных различий. С таких позиций выступают, в частности, А.В. Бузгалин, М.И. Воейков, С.Ю. Глазьев, М.В. Дубовик, Д.Н. Толкачев, Е.В. Устюжанина и другие известные ученые.

Однако в течение всего вышеуказанного периода в истории отечественной экономической мысли не выполнялись ни диссертационные, ни монографические исследования зарождения и эволюции кейнсианства с точки зрения методологии НИП И. Лакатоса, которая, несмотря на наличие в истории экономических учений на современном этапе множества направлений и подходов, не утратила свой эвристический потенциал. Необходимость исследования эволюции кейнсианства как НИП предопределили выбор темы, постановку цели и задач диссертационного исследования.

Объект исследования – теории кейнсианского направления экономической мысли.

Предмет исследования – развитие кейнсианской научно-исследовательской программы.

Цель исследования – выявление структуры и раскрытие содержания процесса зарождения и развития кейнсианской научно-исследовательской программы.

Для достижения поставленной цели в диссертационном исследовании определены следующие задачи:

1. На основе кейнсианской теоретической модели выделить в структуре кейнсианской НИП ее твердое ядро как определенную картину экономической реальности, положительную и отрицательную эвристики, задающие дальнейший путь развития программы.

2. Проанализировать формирование защитного пояса кейнсианской НИП в послевоенный период как процесс теоретического решения актуальных проблем, устранения внутренних противоречий и эмпирического подтверждения закономерностей, сформулированных Дж.М. Кейнсом.

3. Оценить вклад и определить роль в развитии кейнсианской НИП представителей посткейнсианства.

4. Проанализировать развитие кейнсианской НИП в посткризисный период в зарубежной экономической науке.

5. Выделить и проанализировать причины актуализации кейнсианской теории, как они представлены в работах отечественных экономистов.

6. Проанализировать исследования современных отечественных экономистов, строящих собственные концепции на эвристике кейнсианской НИП и адаптирующих теоретические модели защитного пояса к реалиям российской экономики.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальности ВАК при Минобрнауки России. Содержание диссертационного исследования соответствует специальности 08.00.01 – Экономическая теория, по областям исследования: п.3 «История экономической мысли», п.3.5 «Кейнсианство и его эволюция, неокейнсианство», п.3.11 «Российская школа экономической мысли: особенности России и их воздействие на основные черты российской экономической мысли; процесс возникновения, становления и этапы развития экономической мысли в России; общее и особенное по сравнению с зарубежными школами экономической мысли; концептуально-мировоззренческие представления о социально-экономических перспективах развития России; синтез экономических и социальных аспектов развития в российской школе экономической мысли; основные направления развития российской экономической мысли в советский период, ее черты, противоречия, борьба направлений, соотношение с линиями развития мировой экономической мысли; апологетика и научная мысль; особенности трансформации марксизма в советской экономической мысли; российская экономическая мысль в эмиграции; сопоставление с советской и зарубежной экономической мыслью; эволюция, дифференциация и перерождение советской экономической мысли; возникновение новых направлений экономической мысли в постсоветский период, их классификация, сопоставление с зарубежной экономической мыслью; проблемы синтеза в современных экономических теориях тенденций мирового развития и своеобразия России.

Научная новизна исследования состоит в представлении эволюции кейнсианства как процесса зарождения твердого ядра научно-исследовательской

программы, концептуализации положительной и отрицательной эвристик и формирования защитного пояса вспомогательных гипотез (теорий). Наиболее существенными элементами научной новизны являются следующие **положения, выносимые на защиту**.

1. На основе методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса впервые в отечественной историко-экономической мысли комплексно рассмотрена структура кейнсианской научно-исследовательской программы, включающая в себя постулаты твердого ядра, отрицательную и положительную эвристики, состоящие из комплекса методологических правил, образующих программу исследований и теории защитного пояса. Твердое ядро интерпретировано как картина экономической реальности, обладающая онтологическим статусом и играющая системообразующую роль в рамках данной научной программы.

2. Проанализирован процесс формирования защитного пояса кейнсианской научно-исследовательской программы в послевоенный период как процесс решения двух проблем, актуализированных в этот период: 1) теоретическое обоснование и эмпирическая проверка содержащихся в кейнсианской теории функциональных зависимостей и 2) «динамизация» кейнсианского анализа. Доказано, что модели неоклассического синтеза в целом не входят в защитный пояс кейнсианской научно-исследовательской программы.

3. На основе анализа кризиса кейнсианства 70-х годов прошлого века с точки зрения методологии И. Лакатоса обосновано, что появившиеся в это время признаки деградации кейнсианской научно-исследовательской программы не привели к элиминации ее твердого ядра и, соответственно, всей программы в целом. Показано, что прогрессивное развитие кейнсианской научно-исследовательской программы в этот и дальнейший период было обеспечено появлением в защитном поясе вспомогательных гипотез, выдвинутых посткейнсианцами.

4. Обосновано, что современный этап развития экономики нашел отражение в гипотезах «новой нормальности» как реакции на мировой финансово-экономический кризис и «новой реальности» как обоснование процесса изменения парадигмы экономического развития. Показано, что результатом теоретического осмысления новой нормальности в рамках кейнсианской научно-исследовательской программы явился прогрессивный сдвиг проблем, связанный с новой интерпретацией старых и предсказанием новых фактов.

5. На основе авторской систематизации взглядов российских экономистов, использующих эвристику кейнсианской научной программы, показано, что основными направлениями рецепции кейнсианского анализа в отечественной экономической мысли постсоветского периода выступают: 1) эмпирическое подтверждение моделей Р. Харрода, Дж. Тобина, А. Эйхнера, кейнсианских функций потребления, сбережений и инвестиций; 2) создание модели эндогенного роста с учетом инвестиционной близорукости, описывающей образование «порочного круга долгосрочного спада»; 3) создание модели инвестиционного поведения крупного российского бизнеса с учетом особенностей инсайдерского

контроля и образования ренты. Сделан вывод о возможном вкладе отечественных экономистов в развитие кейнсианской НИП путем создания теоретических и эмпирических основ теории развития как отдельного направления в ней.

Методологические и теоретические основы исследования

Методологической базой исследования послужила концепция научно-исследовательских программ И. Лакатоса, дополненная элементами релятивистского подхода и идеей о твердом ядре научной программы как экономической онтологии, воплощенной в картине экономической реальности. В диссертационном исследовании применены общенаучные методы формальной логики (абстрагирование, индукция, дедукция, сравнение, обобщение и другие).

Теоретическую основу диссертационного исследования составили труды Дж.М. Кейнса, его последователей и оппонентов, работы российских и зарубежных авторов в области истории экономической мысли, методологии историко-экономических исследований, макроэкономической теории.

Информационной и эмпирической базой исследования явились официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики РФ, официальные данные Центрального банка Российской Федерации, данные Всемирного банка, материалы научных статей, монографий, научных и практических конференций по проблеме исследования, публикации в периодической печати и ресурсы Интернета.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Положения и выводы, представленные в диссертационной работе, явившиеся результатом применения определенного подхода к изучению истории экономической мысли, расширяют и углубляют представление об одном из ведущих направлений современной экономической науки и могут быть использованы в процессе дальнейших научно-исследовательских работ в рамках историко-экономического анализа, а также современной методологии истории экономических учений. Результаты диссертационного исследования свидетельствуют о возможности применения теорий защитного пояса кейнсианской НИП для анализа состояния современной российской экономики и, соответственно, для выработки практических рекомендаций в области макроэкономической политики.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученные результаты при разработке и преподавании учебных курсов «Экономическая теория», «История экономических учений» «История и методология экономической науки», «Философия экономической науки», а также при разработке спецкурсов.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается использованием современной методологии, положений трудов зарубежных и отечественных ученых по исследуемой проблеме, релевантных методов исследования, широкой информационно-эмпирической базы.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были представлены и опубликованы в материалах конференций: 10-й Всероссийской научно-теоретической

конференции «Россия в глобальном мире» (г. СПб, 2012 г.); XXIII Международной научной конференции «Теория и практика современной науки» (г. М., 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Инновационно-технологическое развитие науки» (г. Волгоград, 2017 г.); V Международной конференции «Институциональная трансформация экономики: пространство и время» (ITE–2017) (г. Кемерово, 2017 г.); Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Кемерово, 2017 г.); WELLSO 2017 – IV International Scientific Symposium Lifelong wellbeing in the World (с. Tomsk, 2017 г.).

Публикации. Основные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в 11-ти печатных работах общим объемом 8,91 п.л. (авторский вклад – 8 п.л.), в том числе 4 статьи в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты докторских диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук, одна публикация в коллективной монографии и 6 публикаций в сборниках и материалах международных и всероссийских научных и научно-практических конференций.

Структура работы. Структура и содержание диссертации обусловлены целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения, списка литературы и шести приложений. Список литературы составляет 276 источника, в том числе 87 на английском языке.

II ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

1. Появление теории Дж.М. Кейнса означало формирование новой НИП, структурно состоящей из постулатов твердого ядра, правил положительной и отрицательной эвристик и защитного пояса вспомогательных гипотез (теорий). Исходным моментом рациональной реконструкции процесса зарождения и развития кейнсианской НИП выступает репрезентация ее твердого ядра как картины экономической реальности (онтологии): экономическая система представляет собой совокупность взаимосвязанных рынков, институциональные особенности которых вкупе с поведенческими характеристиками действующими на них агентами исключают автоматическое регулирование рынков путем ценовой настройки, порождают колебания деловой активности, недостаток эффективного спроса и необходимость активного вмешательства государства в их функционирование.

Мировой финансово-экономический кризис 2007-2009 годов («Великая рецессия»), трудности выхода из него и крайне вялое оживление экономик большинства развитых стран в посткризисный период, необходимость осмыслиения практического опыта реализации антикризисных программ актуализировали дискуссии в экономической науке, в том числе и в области ее методологии и истории. На повестку дня со всей остротой встал вопрос о

потенциале научных школ, их познавательной и практической ценности. Решение этого вопроса требует реактуализации теорий прошлого на основе определенной методологии. Выбор концепции НИП И. Лакатоса в качестве способа анализа и интерпретации эволюции кейнсианства обусловлен несколькими обстоятельствами: во-первых, реальная структура экономической науки и ее эволюция находят в указанной концепции наиболее реалистичное отражение; во-вторых, несмотря на расширение спектра используемых в настоящее время методологических подходов в истории экономических учений, новые подходы обладают недостатками не в меньшей степени, чем традиционные; в-третьих, преодоление «периферийности» истории экономических учений обуславливает необходимость активизации историко-научных исследований по всем направлениям и с использованием самых разных подходов и инструментов; в-четвертых, появление теории Дж.М. Кейнса и дальнейшее развитие его идей многочисленными последователями в наибольшей степени отвечает методологическим принципам И. Лакатоса и в этом смысле поддается «рациональной реконструкции».

Суть концепции НИП И. Лакатоса заключается в том, что развитие любой науки представляет собой сосуществование и конкуренцию различных научно-исследовательских программ, в процессе которых содержание науки и ее структура формируются и развиваются путем теоретически и эмпирически прогрессивного сдвига проблем успешной НИП (то есть такой, которая не только предсказывает некоторые новые, ранее не ожидаемые факты, но и ведет к открытию новых). НИП в концепции И. Лакатоса структурно состоит из следующих элементов:

- 1) «жесткое (твердое) ядро» – фундаментальные положения, которые в рамках данной программы принимаются как неопровергимые;
- 2) «защитный пояс» – дополнительные гипотезы, которые могут видоизменяться, защищая тем самым жесткое ядро от опровержений;
- 3) совокупность методологических правил – так называемой «положительной (позитивной) эвристики», предписывающей наиболее предпочтительные пути исследования и «отрицательной (негативной) эвристики», указывающей, каких путей исследования следует избегать.

Центральная роль в структуре НИП принадлежит твердому ядру – это те базовые постулаты НИП, которые принимаются ее сторонниками как неопровергимые, не могут быть изменены без разрушения данной НИП и на защиту которых выдвигаются вспомогательные гипотезы с помощью правил положительной и отрицательной эвристик. Фактически твердое ядро НИП фиксирует целостное *видение* экономики и именно поэтому оно тождественно картине экономической реальности, которая задается системой базовых предпосылок и категорий, отражающих существенные связи, свойства и закономерности предмета исследования. Тем самым твердое ядро (картина экономической реальности) обладает онтологическим статусом и играет системообразующую роль в научной программе.

Репрезентация картины экономической реальности, а, следовательно, выделение постулатов твердого ядра происходит на основе теории основоположника той или иной НИП.

Исходя из содержания теоретической системы Дж.М. Кейнса, и выделенных в диссертационном исследовании методологических принципов, структуру кейнсианской НИП можно представить следующим образом (таблица 1).

Таблица 1 – Структура кейнсианской научно-исследовательской программы

Твердое ядро	
Уровень занятости и выпуск продукции определяется эффективным (совокупным) спросом	
Экономические агенты делают выбор в условиях неопределенности будущего	
Нестабильная рыночная экономика требует государственного вмешательства, направленного на регулирование эффективного спроса	
Отрицательная эвристика	Положительная эвристика
Отказ от принципов методологического индивидуализма и рационального поведения человека в узком значении	Макроэкономический подход, выраженный принципом агрегирования, разделение экономической системы на три взаимосвязанных рынка: благ, капитала и труда, рациональность поведения человека в широком значении
Отрицание «классической дилеммы» и жесткого разделения экономики на две сферы: реальную, в которой происходит производство товаров, и денежную, в которой устанавливаются цена произведенных товаров	Признание влияния денежных факторов на реальный сектор экономики
Отрицание закона Сэя	Анализ уровня занятости в зависимости от склонности к потреблению, предельной эффективности капитала и предпочтения ликвидности
Отрицание существования только добровольной безработицы	Признание вынужденной безработицы как характерной черты зрелой рыночной экономики
Отрицание способности рыночной экономики к саморегулированию	Рассмотрение макроэкономического равновесия через механизм трансформации сбережений в инвестиции
Отказ от рассмотрения экономики как совокупности отдельных экономических агентов	Рассмотрение спроса на деньги как функции предпочтения ликвидности, крайне неустойчивой в условиях неполной занятости
Отрицание достижимости равновесия одновременно на всех рынках	Признание значимости психологических характеристик рыночных агентов и их коллективных «инстинктов» (ожиданий и предположений) и учет институциональных особенностей функционирования рынков
Теории защитного пояса	
Примечание – *Теории защитного пояса формируются в процессе развития НИП и рассматриваются, соответственно, в последующем тексте.	

Источник: составлено автором на основе проведенного исследования

2. Процесс формирования защитного пояса кейнсианской научно-исследовательской программы в послевоенный период проходил как процесс решения двух проблем, актуализированных в этот период: 1) теоретическое обоснование и эмпирическая проверка содержащихся в кейнсианской теории функциональных зависимостей и 2) «динамизация» кейнсианского анализа. Неоклассический синтез, традиционно включаемый в кейнсианство в качестве основной его версии, не входит в защитный пояс кейнсианской научно-исследовательской программы, поскольку противоречит ее твердому ядру и некоторым принципам отрицательной эвристики.

Кейнсианство, возникшее в 30-е годы прошлого века на основе теоретической системы Дж.М. Кейнса, не представляет собой однородного направления (школы), в нем выделяются различные версии и не все из них могут рассматриваться как теории защитного пояса кейнсианской НИП, поскольку: во-первых, эволюция кейнсианства не тождественна «рациональной реконструкции» его; во-вторых (что вытекает из первого), не все теории, выдвинутые изначально как дальнейшее развитие, уточнение, расширение и проверка идей Кейнса, в конечном итоге «защищали» твердое ядро кейнсианской НИП. Главным принципом включения той или иной теории в защитный пояс кейнсианской НИП является принятие кейнсианской картины экономической реальности как основы общего *видения* экономики и непротиворечивость ее постулатам твердого ядра.

С этой точки зрения неоклассический синтез не входит в защитный пояс кейнсианской НИП. Обоснованием данного утверждения выступает тот факт, что все теории неоклассического синтеза исключают фундаментальную неопределенность будущего как постулат твердого ядра кейнсианской НИП. Кроме того, все они базируются на методологических принципах, которые противоречат ее отрицательной эвристике. В частности, отрицательная эвристика кейнсианской НИП запрещает использование принципа методологического индивидуализма и рационального поведения человека, на чем построены исходные модели неоклассического синтеза (*IS-LM* Дж. Хикса и кейнсианского креста П. Самуэльсона).

Согласно методологии И. Лакатоса, теории защитного пояса формируются путем выдвижения «вспомогательных гипотез», которые направлены на теоретическое обоснование «старых» фактов, не получивших его в рамках соперничающей НИП, объяснение новых фактов, разрешение логических противоречий в исходной теории, а также на «разгадки аномалий» (противоречий фактов и теории). Перечисленные элементы можно рассматривать как проблемы (теоретические или эмпирические), являющиеся «движущей силой» формирования и развития защитного пояса (фактически – развития любой НИП в целом). В послевоенный период такими проблемами являлись: 1) проблема теоретического обоснования и эмпирической проверки содержащихся в кейнсианской теории функциональных зависимостей и 2) проблема «динамизации» кейнсианского анализа.

Вплоть до конца 1960-х годов прошлого века прогрессивность кейнсианской НИП обеспечивалась эмпирической подтверждаемостью

показателей (фактов), характеризующих содержащиеся в теории Кейнса функциональные зависимости. Среди них: 1) значение мультипликатора больше единицы; 2) предельная склонность к потреблению домашних хозяйств зависит от уровня дохода; 3) средняя склонность потребления общества по мере роста национального дохода снижается; 4) чувствительность инвестиций к ставке процента низка; 5) чувствительность спроса на деньги к ставке процента высока.

С другой стороны, «чисто» кейнсианские («фундаменталистские» по А. Коддингтону) теории потребления, инвестиций, предпочтения ликвидности в рассматриваемый период не получили или получили недостаточное развитие «после Кейнса». Объяснение этого кроется в том факте, что последователи Дж.М. Кейнса, не принявшие «хиксианское кейнсианство», рассматривали его теорию только как первый шаг в основательном пересмотре экономической теории. Поэтому они критиковали представителей неоклассического синтеза, пытаясь отделить «истинного» Кейнса от «неистинного», дать «правильную» интерпретацию его новаторских идей и фактически не занимались позитивной разработкой потребительской функции, сбережений, инвестиций и других функциональных зависимостей.

Несмотря на это, кроме эмпирической проверки отдельных показателей, в защитном поясе кейнсианской НИП в этот период шла работа по теоретическому обоснованию выдвинутых Кейнсом закономерностей. В частности, в защитный пояс вошла концепция относительного дохода Дж. Дьюзенберри, успешно объяснившая аномалии или опровержения кейнсианской теории потребления, вытекавшие из ее эмпирических проверок и успешно прошедшая несколько эконометрических проверок. Послевоенные эмпирические исследования выявили две функции потребления: 1) краткосрочную, которая соответствовала закономерностям, сформулированным Кейнсом, и подтверждалась исследованиями краткосрочных рядов и данными бюджетных обследований домохозяйств, и 2) долгосрочную, основанную на данных долгосрочных временных рядов, опровергавшую основной психологический закон Кейнса и вытекающие из него характеристики функции потребления. Эмпирическое выявление двух различных потребительских функций означало возникновение противоречия в теории, которое требовало разрешения. Экономисты, как неоклассики, так и кейнсианцы в рамках своих программ сделали попытку объяснить наличие долгосрочной и краткосрочной функций потребления. В работе показано, что только концепция относительного дохода Дж. Дьюзенберри не противоречит постулатам твердого ядра кейнсианской НИП и при этом теоретически расширяет и углубляет одно из положений теории Дж.М. Кейнса (потребительской функции) и дает ответ на критику в адрес последней.

Вторая проблема – проблема «динамизации» кейнсианского анализа – была поставлена и решена в рамках кейнсианской НИП Р. Харродом и Дж. Тобином.

Р. Харрод – основоположник кейнсианских теорий экономического роста – исходил из предположения о возможности трех темпов роста: реальном, обеспеченнем и оптимальном, определяемых независимыми друг от друга факторами и поэтому совпадающих только случайно. Р. Харрод показал, что

разрыв между тремя темпами роста может быть преодолен активной государственной финансовой и денежной политикой, направленной на регулирование сбережений, инвестиций.

В защитный пояс кейнсианской НИП входит также монетарная динамическая модель Дж. Тобина, которая углубила кейнсианскую теорию предпочтения ликвидности путем ввода в анализ всех видов финансовых и реальных активов, ввела в научный оборот новую категорию «фактора q », и тем самым оказала большое влияние на теорию финансов и макроэкономическую политику.

3. Кризис кейнсианства 70-х годов прошлого века означал кризис неоклассического синтеза. Это не привело к деградации кейнсианской научно-исследовательской программы, к элиминации ее твердого ядра и, соответственно, всей программы в целом. Прогрессивное развитие кейнсианской научно-исследовательской программы в этот и дальнейший период было обеспечено появлением в защитном пояссе вспомогательных гипотез, выдвинутых посткейнсианцами.

Для характеристики состояния экономической теории в 70-е годы прошлого века традиционно используется концепт «кризис кейнсианства». С точки зрения методологии НИП речь идет о его деградации, онтологически связанной с кризисом государственного регулирования экономики, основанного на выводах и рекомендациях неоклассического синтеза; гносеологически – с «петлянием» кривой Филлипса, которая вела себя по-разному в кратко- и долгосрочном периодах. В работе показано, что кривая Филлипса имеет отношение к деградации неоклассического синтеза, а не кейнсианской НИП, поскольку она была выдвинута в рамках неоклассического направления и именно его представители попытались вписать ее в свою модель.

В ответ на критику кейнсианства в 70-е годы была выдвинута гипотеза, согласно которой существует естественный уровень безработицы, который нельзя устраниить макроэкономической политикой стимулирования спроса (Э. Феллс, Дж. Акерлоф, М. Спенс, Дж. Стиглиц). В результате сформировалось новое кейнсианство, представители которого объясняют экономический рост, деловые циклы, последствия денежно-кредитной и фискальной политики на основе макроэкономических моделей, основанных на микроэкономических принципах. Эти теории основываются на предпосылках рациональных ожиданий и конкурентных рынков, что исключает фундаментальную неопределенность будущего в картине экономической реальности и не позволяет включить новокейнсианские теории в защитный пояс кейнсианской НИП.

С другой стороны, критика неоклассического синтеза сторонниками Кейнса также привела к попытке создать новую версию кейнсианства, альтернативную ортодоксальной. В результате возникло так называемое «посткейнсианство», в рамках которого выделяются три течения, каждое из которых занимается отдельной проблемой, ставшей «движущей силой» развития кейнсианской НИП:

- 1) проблема аутентичности теории Дж.М. Кейнса в интерпретации его

последователей; 2) проблема неопределенности будущего; 3) проблема накопления капитала.

Начало в решении первой проблемы положили Р. Клауэр и А. Лейонхуфвуд, которые поставили одну из самых дискуссионных проблем в трактовке учения Кейнса – проблему равновесия. Ортодоксальная трактовка теории Кейнса как частного случая неоклассической концепции общего равновесия «посткейнсианцами» была поставлена под сомнение.

Основой анализа Р. Клауэра выступала ситуация неравновесия на рынке, приводящая к возникновению ограничений для действий экономических агентов. Была выдвинута «гипотеза двойственного решения», в соответствии с которой потребительский спрос разделяется на предполагаемый («потенциальный») и фактический («эффективный»), и которая поставила текущий спрос в зависимость не только от ценовых, но и от количественных сигналов («от текущих сделок на рынке»), что в конечном итоге приводит рынок в состояние неравновесия.

А. Лейонхуфвуд особое внимание уделял фактору неопределенности в поведении экономических агентов. Расхождение между теоретической и фактической величиной эффективного спроса появляется вследствие действия мультипикационного эффекта. А. Лейонхуфвуд приходит к выводу, что теория Кейнса по сути своей – не статичная теория равновесия с неполной занятостью, а динамическая теория приспособления макроэкономики к нарушению экономического равновесия.

Идеи Р. Клауэра и А. Лейонхуфвуда в работе выделены в отдельное теоретическое направление защитного пояса кейнсианской НИП – неравновесное кейнсианство.

Вторая проблема в рамках посткейнсианства исследовалась монетарными кейнсианцами, куда относят С. Вайнтрауба, П. Дэвидсона, Я. Крегеля, Х. Мински, В. Чика, Дж. Шэкла и некоторых других.

Придание особой роли деньгам, влияющим на поведение людей, и особенностям функционирования экономики, характеризующейся наличием капитальных активов длительного пользования, неэргодичностью и эндогенностью денежной массы, позволили монетарным кейнсианцам выдвинуть гипотезы, которые расширили и углубили анализ экономических систем.

Вклад денежной теории П. Дэвидсона – одного из лидеров монетарного кейнсианства – в защитный пояс кейнсианской НИП заключается в том, что он: во-первых, показал, что вынужденная безработица обосновывается специфическими свойствами денег; во-вторых, с кейнсианских позиций объяснил, почему контракты заключаются не в реальных, а в денежных величинах и показал, как это способствует снижению степени неопределенности будущего и позволяет предпринимателям формировать осмысленные ожидания и поощряет их к длительным производственным процессам.

Большое значение для эволюции кейнсианской НИП имеет «гипотеза финансовой хрупкости», выдвинутая еще одним лидером монетарного кейнсианства Х. Мински. Суть гипотезы заключается в положении о том, что развитие капиталистической «денежной» экономики неизбежно ведет к

формированию такой финансовой системы, которая подвержена финансовым кризисам.

Третья проблема (накопление капитала) рассматривалась кембриджской ветвью кейнсианской НИП, которую более адекватно отражает термин «левое кейнсианство». Признанным лидером левого кейнсианства считается Дж. Робинсон; на его формирование оказали влияние также идеи П. Сраффы о взаимосвязи уровня денежных цен, нормы прибыли и реальной заработной платы, и М. Калецкого, который обосновал концепцию ценообразования, учитывающую монополизацию экономики и ее влияние на процессы распределения доходов.

Дж. Робинсон в своей работе «Накопление капитала», поставила задачу решения вопросов долгосрочного экономического роста на основе кейнсианского краткосрочного анализа. Дж. Робинсон приходит к выводу, что для долгосрочного экономического роста необходим оптимальный темп накопления капитала, который должен соответствовать такому распределению национального дохода, при котором рост производства будет соответствовать росту эффективного спроса.

Позднее теории П. Сраффы и М. Калецкого развили американский левокейнсианец А. Эйхнер, разработав модель, которая касается инвестиционных решений крупных корпораций американской обрабатывающей промышленности. А. Эйхнер сформулировал стоимостное условие роста экономики, заключающееся в установлении такого уровня цен, который покрывает текущие расходы, расходы на расширение и обеспечивает полную занятость. Полная занятость ресурсов, в свою очередь, обеспечивается сбалансированностью экономики. Рост экономики предполагает, что вся произведенная продукция будет реализована, следовательно, должен удовлетворяться не только инвестиционный, но и потребительский спрос.

В целом, представители левокейнсианского течения пришли к выводу, что накопление капитала, а, следовательно, стабильный экономический рост нуждается в политике перераспределения доходов и ограничении влияния монополий.

С левокейнсианских позиций было дано и объяснение «петляния» кривой Филлипса. Сделал это Т. Пэлли, выдвинув теорию множественности конфигураций кривой Филлипса, обусловленной победой в борьбе одной из сторон между рабочими и фирмами.

4. Особенности современного этапа развития экономики нашли отражение в гипотезах «новой нормальности» как реакции на мировой финансово-экономический кризис и «новой реальности» как обоснование процесса изменения парадигмы экономического развития. В результате теоретического осмыслиения «новой нормальности» подтверждение получили концепция относительного дохода Дж. Дьюценбери и гипотеза финансовой хрупкости Х. Мински, которые в совокупности позволили раскрыть механизм возникновения и развития экономических кризисов в современных условиях.

Современный этап развития экономики и общества все чаще характеризуют как переходный. Существуют серьезные аргументы в пользу того, что в настоящее время происходят фундаментальные, качественные изменения в самой парадигме социально-экономического развития, ведущие к формированию новой экономической реальности. Отечественные экономисты отмечают, что основой фундаментальных изменений выступают глобализация, цифровая революция, экономика знаний, которые приводят к изменению характера и содержания труда и его разделения, возрастанию роли в экономическом развитии нематериальных факторов, возрастанию скорости протекания и неопределенности хозяйственной деятельности, изменению способа координации хозяйственной деятельности, изменению основы экономической власти и другому.

В западной экономической мысли в связи с мировым кризисом 2008–2009 годов большее распространение получила гипотеза «новой нормальности» (*a new normal*), характеризуемая большинством экономистов такими особенностями, как подавленный экономический рост в промышленно развитых странах, неизменно высокий уровень безработицы, крупный дефицит и задолженность в государственном секторе, ускорение перемещения динамики роста в страны с формирующимся рынком, ситуация неопределенности и высокой волатильности в мировой экономике и недостаточность традиционных макроэкономических инструментов для восстановления стабильного, динамичного роста. Данные особенности позволяют определить «новую нормальность» как эмпирическую гипотезу, по своему происхождению и содержанию целиком и полностью исчерпывающуюся характеристиками мирового финансово-экономического кризиса и затяжного посткризисного периода. С этой точки зрения «новая нормальность» имеет преходящий характер. В то же время далеко не все гипотезы «претендуют» на статус самостоятельных теорий, являясь лишь частью последних. Используя методологию И. Лакатоса, можно сказать, что они входят в «защитный пояс» той или иной научно-исследовательской программы, обеспечивая ее прогрессивный или регressiveвный сдвиг.

Одно из центральных мест в посткризисных дискуссиях занимает вопрос о причинах кризиса. Выясняя причины кризиса, специалисты акцентируют свое внимание на: 1) ослаблении контроля государства над финансовым рынком и связанным с этим поведением менеджеров банков, проявившимся в принятии рискованных решений; 2) механизме долгового цикла в трактовке Х. Мински; 3) дисбалансах международной торговли и потоков капитала. Однако все объяснения кризиса имеют одну общую основу – растущее неравенство. На это указывают, например, такие известные экономисты, как П. Кругман, Дж. Стиглиц, Э. Стокхаммер, Я. Капеллер, Б. Шютц, Л. Р. Рэй, Б. Синамон, С. Фазарри и многие другие.

Экономисты указывают, что процессы, породившие Великую рецессию, начались еще в конце 70-х годов и к 2007 году, например в США, за этот период рост доходов у 20 % богатых минус 1 % самых богатых составлял 65 %. У семей со средним доходом прибавка была вдвое меньше, у самых бедных 20 %

доходы увеличились на 18 %. При этом у 1 % самых богатых доходы выросли на 277,5 %, а у 0,1 и 0,01 % сверхбогатых еще больше.

Разрыв в доходах, однако, не привел экономику к снижению потребительского спроса. Люди, доходы которых росли низкими темпами, продолжали ориентироваться в потреблении на тех, чьи доходы росли быстрее, покрывая недостаток в доходах за счет кредитов. Богатеющие при этом тратили больше, так как их доходы выросли. Психологию такого поведения экономических агентов ранее обосновал Дж. Дьюзенберри (концепция относительного дохода). Таким образом, концепция Дж. Дьюзенберри получила эмпирическое подтверждение, что дополнено кейнсианскую НИП прогрессивной составляющей.

Снижение равномерности распределения доходов привело к соответствующему росту потребительского спроса, финансируемого за счет долгов. Далее наступил «момент Мински», когда заимодавцы осознали риски кредитования, снизили объемы выдаваемых займов, провоцируя тем самым банкротства домашних хозяйств.

В сложившейся ситуации закономерен вопрос о том, что же привело к росту неравенства. Экономисты считают, что этому способствовало построение экономики без государственного принуждения бизнеса; финансовое deregулирование, обусловившее перетекание капиталов из производственной сферы в финансово-спекулятивную; вывод производства из стран с развитой капиталистической экономикой в страны с низкой оплатой труда.

Финансовое deregулирование и либерализация экономик стало следствием растущего влияния богатых, что не позволяло принимать решения, которые были необходимы для экономики и большинства населения, но противоречили интересам 0,1 % богатой верхушки. При этом самые богатые люди – это высшие руководители нефинансовых компаний, представители финансового сектора, юристы и те, кто занимается недвижимостью. Высокие доходы в финансово-спекулятивном секторе и потребление, основанное на кредитовании, способствовали перетеканию капиталов из реального сектора в финансовый. Экономическая власть перерастала во власть политическую, принимались решения по дальнейшему deregулированию финансового рынка и либерализации рынков вообще, что позволило применять финансовые инновации, приведшие к росту рискованных кредитных операций.

Свой негативный вклад в возросший разрыв в доходах, лежащий в основе современного кризиса, внесла глобализация, осложненная эффекты от технологических преимуществ. Эти процессы происходили либо вследствие прямой заинтересованности богатеющего меньшинства, либо нежелания сосредоточить внимание на вопросах, в которых это меньшинство не было заинтересовано.

Связь между экономической и политической властью фиксирует и Дж. Стиглиц, однако в своих рассуждениях он идет другим путем. Внимание Стиглица сконцентрировано на асимметрии информации, которую генерирует и в которой рынок функционирует. Дж. Стиглиц считает, что центральная проблема

современных экономик – это задача совместимости интересов. Несовершенная информация дает возможность людям наживаться за счет других, причем за счет именно тех лиц, которых они призваны обслуживать. Как следствие, «политический рынок» – реальность современности.

Внимание на докризисной финансовой архитектуре, как причине кризиса и на том, что это стало результатом растущего влияния богатых, акцентируют П. Кругман, Дж. Морган, Ф. Трегенна, Х. Г. Палма, С. Конзельман, Ф. Улкинсон, М. Фоваг-Девис, Д. Санки и многие другие.

Дж. Ходжсон после разразившегося кризиса предпринял попытку ответить на вопрос: почему предупреждения о финансовом кризисе игнорировались? В качестве причин он также называет материальную заинтересованность тех, кто должен был принимать решения, однако, эта причина – не единственная. Другие причины, по Дж. Ходжсону: бюрократия финансовой и политической системы; сложность анализа противоречивой информации; неспособность экономистов предвидеть вследствие чрезмерной зависимости от абстрактных математических моделей, отклоняющих экономистов от реальности, где присутствует неопределенность, которую невозможно «вставить» в модель.

В работах Дж.М. Кейнса не рассматриваются специально эти вопросы, не исследуются факторы, ограничивающие способность государства корректировать провалы рынка и в дальнейшем эта проблема не была сформирована в отдельное течение, что, возможно, является полем для дальнейшего развития кейнсианской НИП.

5. Основными направлениями рецепции кейнсианских идей в отечественной экономической мысли постсоветского периода выступают: 1) эмпирическое подтверждение моделей Р. Харрода, Дж. Тобина, А. Эйхнера, кейнсианских функций потребления, сбережений и инвестиций, 2) создание модели эндогенного роста с учетом инвестиционной близорукости, описывающей образование «порочного круга долгосрочного спада», 3) создание модели инвестиционного поведения крупного российского бизнеса с учетом особенностей инсайдерского контроля и образования ренты. Выделенные направления содержат потенциал расширения проблемного поля кейнсианской НИП путем создания теоретических и эмпирических основ теории развития как отдельного направления в ней.

Анализ взглядов российских экономистов показал, что актуализация кейнсианской теории в постсоветский период объясняется тремя причинами. Первая причина носит идеологический характер и связана с неприятием либерализма в его современной версии. Вторая причина заключается в негативных последствиях российских реформ, выразившихся в деиндустриализации экономики, формировании экспортно-сырьевой модели, невосприимчивой к инновациям, деградации социальной сферы. Третья причина актуализации кейнсианской теории заключается в текущей ситуации в современной России, которую чаще всего характеризуют как стагнацию и которая требует выработки эффективных путей выхода из нее.

Начальный период постсоветского этапа в развитии истории экономической мысли, в том числе в отношении эволюции кейнсианства, характеризовался изучением недоступных ранее иностранных источников, переводом и простой трансляцией их содержания, чаще всего, с минимальным анализом. Однако уже к концу 1990-х годов появляются работы, в которых предпринимаются попытки применения кейнсианских моделей к исследованию российской экономики, несмотря на то, что последняя являлась трудномоделируемой вследствие нарушения основных макроэкономических взаимосвязей, низкого качества информационной базы и временных ограничений (моделирование было возможно только на очень короткие временные отрезки). В результате были сделаны выводы, важные для понимания процессов, происходящих в тот период в экономике России: экономическая система характеризовалась нарушением основополагающих взаимосвязей, без которых невозможен не только рост, но и простое воспроизводство. В частности, инвестиции в основные фонды в промышленности не являются функцией объемов получаемой в ней прибыли, расходы государственного бюджета не находятся в зависимости от доходов и т.д. (краткосрочная модель А.Е. Мешимбаевой).

По мере преодоления трансформационного спада и стабилизации российской экономики эконометрическое моделирование приняло более динамический характер с вовлечением все большего количества переменных. Так, эмпирическая проверка теории Р. Харрода на примере российской экономики содержится в работах В.Е. Маневича и Н.Ю. Аганаевой, которые пришли к одинаковому выводу о значительном разрыве между обеспеченным (гарантированным) и реальным (фактическим) темпами роста. Это свидетельствует о существовании в российской экономике неиспользованных возможностей и, вслед за Харродом, эти возможности российские экономисты видят в денежной и финансовой экспансии. Анализируя влияние на темпы роста российской экономики внешней торговли и международного движения капитала, В.Е. Маневич и Н.Ю. Аганаева вывели некоторые эмпирические закономерности: денежно-финансовая экспансия в условиях российской экономики не вызывает инфляции; рост экспорта за счет сырьевых материалов не только сдерживает технический прогресс, но и повышает среднюю для экономики капиталоемкость выпуска, следовательно, не ускоряет, а замедляет темпы роста; как ввоз, так и вывоз капитала сдерживают темпы роста российской экономики; факторами инвестиционной функции в российской экономике являются реальная ставка процента, вычисленная по «формуле Тобина», и экзогенно задаваемая величина государственных инвестиций.

Ряд отечественных экономистов моделируют применительно к российской экономике функции потребления, сбережений, инвестиций и подвергают анализу проблему трансформации сбережений в инвестиции (Л.Ю. Рыжановская, М.Ю. Сазыкина, В.Е. Маневич и И.С. Букина). Результаты моделирования доказывают, что причинно-следственные связи, установленные в рамках кейнсианской НИП, подтверждают процессы, наблюдаемые с начала 1990-х годов в отечественной экономике.

Монетарное кейнсианство получило развитие в отечественной научной литературе благодаря работам И. В. Розмаинского, в которых раскрываются особенности экономической системы, сложившейся в России, характеризующейся «инвестиционной близорукостью». Эта идея послужила основой разработанной И.В. Розмаинским модели эндогенного роста, описывающей образование в России «порочного круга долгосрочного спада» вследствие распространения инвестиционной близорукости, что выражается в снижении стимулов к инвестициям в реальные активы длительного пользования.

Левое кейнсианство в российской экономической науке развивают С.С. Дзарасов, Р.С. Дзарасов и Д.В. Новоженов. Если С.С. Дзарасов много сделал для распространения идей левого кейнсианства, то анализ работ Р.С. Дзарасова и Д.В. Новоженова позволяет сделать вывод, что их идеи внесли вклад в развитие защитного пояса кейнсианской НИП. Объектом исследований данных авторов выступает инвестиционное поведение крупного бизнеса. В основу своих исследований указанные исследователи положили подходы и идеи посткейнсианства, современного марксизма, неорикардианства и современного институционализма.

Опираясь на концепцию А. Эйхнера, Р.С. Дзарасов и Д. В. Новоженов выявили особенности поведения крупных российских компаний и факторы, их вызывающие. Авторы пришли к выводу, что в России сложилась инсайдерская модель корпоративного управления, отличающаяся от аналогичной западной модели. Р.С. Дзарасов и Д.В. Новоженов исходят из того, что крупный российский бизнес формировался не в условиях рационального капитализма и постепенного приращения богатства, а в результате захвата социалистической собственности лицами авантюрного типа. В результате инсайдерский контроль выражается в присвоении инсайдерской ренты, которая не имеет ничего общего с предпринимательским доходом, получаемым вследствие эффективного вложения капитала. Механизмом извлечения инсайдерской ренты выступает увеличение эксплуатации рядовых наемных работников, сокращение объемов инвестиций, притеснение миноритарных акционеров, нарушение контрактных обязательств и уклонение от уплаты налогов. Р.С. Дзарасов и Д.В. Новоженов показали, что изъятие средств путем извлечения инсайдерской ренты ведет к сокращению инвестиционного и потребительского спроса, уменьшает возможности стабильного роста, и, в конечном итоге, служит тормозом на пути перехода к инновационной модели развития российской экономики.

Вклад Р.С. Дзарасова и Д.В. Новоженова в защитный пояс кейнсианской НИП заключается, во-первых, в эмпирической проверке кейнсианских предпосылок и, в частности, модели Эйхнера. Во-вторых, обратившись к достижениям отечественной науки, авторы акцентировали внимание на случаях, когда модель Эйхнера требовала поправок вследствие влияния факторов, общих для экономик периферийного капитализма. В-третьих, было внесено существенное дополнение в модель Эйхнера – сформулировано технологическое условие роста экономики, в котором основополагающее значение имеет сочетание эффектов компенсации и замещения.

Отечественные ученые предпринимают попытки соединения кейнсианской и марксистской методологии исследования с целью разработки марксистско-кейнсианского (постмарксистского) синтеза (В. Т. Рязанов). Обоснование его заключается в том, что в определении причин наступления кризисных обвалов наблюдается совпадение позиций данных научных школ.

Однако анализ показал, что подходы Маркса и Кейнса имеют отличия, которые с точки зрения методологии Лакатоса исключают возможность включения постмарксистского синтеза в защитный пояс кейнсианской НИП.

III ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании выполненного исследования представлена эволюция кейнсианства как процесс зарождения твердого ядра, концептуализации положительной и отрицательной эвристик и формирования защитного пояса вспомогательных гипотез (теорий).

1. Рассмотрение содержания теоретической системы Дж.М. Кейнса позволило выделить постулаты твердого ядра исследовательской программы как отражение картины экономической реальности, задающей исходное видение экономики и тем самым – онтологические свойства объекта исследования и связи между ними, а также правила положительной и отрицательной эвристик, задающих набор возможных методов исследования.

2. Репрезентация кейнсианской картины экономической реальности послужила исходной базой тестирования различных версий кейнсианства на предмет соответствия их постулатам твердого ядра и включения / невключения тех или иных теорий в защитный пояс кейнсианской НИП. Обоснован вывод о том, что модели неоклассического синтеза не должны рассматриваться как теории, входящие в защитный пояс кейнсианской НИП.

3. Анализ кризиса кейнсианства в 70-е годы прошлого века и развития кейнсианской НИП в период глобального кризиса 2008-2009 годов на основе методологии И. Лакатоса показал, что к настоящему времени оно представляет собой полноценную исследовательскую программу, выдержавшую эмпирическую проверку и демонстрирующую определенный прогрессивный сдвиг проблем, обеспеченный появлением в защитном пояссе вспомогательных гипотез, выдвинутых посткейнсианцами.

4. Важнейшим фактором развития отечественной экономической науки в постсоветский период является трансфер идей и методов, характерных для кейнсианской НИП, результатом которого выступает не только эмпирическое подтверждение некоторых кейнсианских моделей, но и выдвижение оригинальных подходов и идей, востребованных при объяснении целого ряда современных явлений и процессов, не получивших до сих пор адекватной теоретической разработки.

Проведенное исследование ориентировано на активизацию дальнейших усилий по выявлению потенциала существующих в экономической науке направлений, школ и подходов с точки зрения создания теоретической

платформы модернизации российской экономики, придания ей необходимого динамиза и вывода на качественно новый уровень социально-экономического развития.

IV ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в журналах, включенных в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. **Черновол, С. Н.** Анализ взглядов российских экономистов на проблемы российской экономики с точки зрения кейнсианской научно-исследовательской программы / С. Н. Черновол // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 1 (53). – С. 80–86 – 1,15 п. л.

2. **Черновол, С. Н.** Кейнсианская научно-исследовательская программа в контексте «новой нормальности» / С. Н. Черновол, Л. В. Кусургашева // Проблемы современной экономики. – 2016. – № 4 (60). – С. 50–57 – 1 п. л. (авт. 0,5 п. л.).

3. **Черновол, С. Н.** Есть ли кейнсианцы в России? / С. Н. Черновол // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 3 (ч. 1) (80-1). – С. 33–39 – 1,25 п. л.

4. **Черновол, С. Н.** Формирование и развитие защитного пояса кейнсианской научно-исследовательской программы / С. Н. Черновол // Современная экономика: проблемы и решения. – 2017. – № 6 (90). – С. 3–22 – 1,02 п. л.

Монографии:

5. **Черновол, С. Н.** Кейнсианская научно-исследовательская программа и возможность ее использования для анализа российской экономики / С. Н. Черновол // Становление экономики знаний: от теории к практике региона / под общ. ред. Н. В. Осокиной, Е. Е. Жернова; Мин-во образ. и науки РФ; Кузбас. гос. техн. ун-т; каф. общей экономики. – Кемерово, 2012. – Гл. 5. – С. 137–167 – 1,9 п. л.

Публикации в других научных изданиях:

6. **Черновол, С. Н.** Необходимость, условия и ограничения практического применения кейнсианской научно-исследовательской программы / С. Н. Черновол // Россия в глобальном мире : сборник научных трудов 10-й Всероссийской научно-теоретической конференции. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – С. 47–56 – 0,6 п. л.

7. **Черновол, С. Н.** Торможение экономического роста и проблемы модернизации российской экономики с точки зрения кейнсианской научно-исследовательской программы / С. Н. Черновол // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXIII Международной научной конференции. – М. : Институт стратегических исследований, 2016. – С. 34–37 – 0,35 п. л.

8. **Черновол, С. Н.** Структура кейнсианской научно-исследовательской программы / С. Н. Черновол // Инновационно-технологическое развитие науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (5 апреля 2017 г., г. Волгоград). В 3 ч. Ч 1. – Уфа : АЭТЕРНА, 2017. – С. 256–262 – 0,5 п. л.
9. **Черновол, С. Н.** Институциональные факторы в кейнсианской научно-исследовательской программе / С. Н. Черновол // Институциональная трансформация экономики: пространство и время. Сборник докладов V Международной научной конференции Том 1. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2017. – С. 167–169 – 0,34 п. л.
10. **Черновол, С. Н.** Теоретические основы макроэкономической политики в условиях становления экономики знаний / С. Н. Черновол // Российская экономика знаний: вклад региональных исследователей : сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (Кемерово, 5–6 октября 2017 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Е. Е. Жернова. – Кемерово : КузГТУ, 2017. – С. 197–201 – 0,25 п. л.
11. **Chernovol, S. N.** Image Of The Present And The Future Of Russia Within Economic Discourse / S. N. Chernovol, L. V. Kusurgasheva, I. N. Tretyakova , S. I. Grigashkina // WELLSO 2017 – IV International Scientific Symposium Lifelong wellbeing in the World. (Tomsk, 11-15 September 2017). – P. 112–118. – Access mode : <https://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/WELLSO2017/> – 0,55 п. л. (авт. 0,14 п. л.).